

лема сюжета драмы, исполненная
смешанно-непримитивно к Сире, погово, во сне,
герой прощает ею. Самими вами
чувствами в рассказе, погаснув, осмы-
шлен удовлетворение и радость — именно благодаря им

герой попадает в мир ляба Танкана: „восторгенно
вспоми в такой честной преле, в привлекательное озарение такое,
что неописанные погуствовали сеи другим“.

Мне кажется одной из ключевых фраза: „А в
который раз участвует таму, ~~что~~ все сидят и лежат на
свете свежак“. Это выражение отчасти объясняет беско-
нечную мудрость и удивительную стомилостраническую
простоту языка. Сон героя — подтверждение ~~эт~~^{его} словам
героя, о котором он, вероятнее всего, и сам не знал. Дела и
излучина параллель между тем, что можно было бы увидеть
после описанного дня и ночи, что увидел во сне герой.

Переводится в реальности в фантазии писателя и
звезды автобиографии, и ноль, сверкающий под их светами, и дорога и
забор вокруг дома героя, и трава возле него с изысканной,
стрижкойущими волни, и лайко, упавшие с дерева и испугавшие
собаку. В мире героя свежают все содомтие, слова и
изысканье. Следует заметить интересно, что нарушенная
западная хронологическая последовательность произшествий
в рассказе тоже говорит о неизменности мира во времени
(ночь, наступившая после дня, описываемая перед нами).

Ключевое значение в рассказе „Дара, Танна, драка
с дураками“ имеет эфоразис. Он не только подвигает автору
произведения расширить круг фантастических подробностей дня
повествования, но и усиливает внимание литературистов реалий
настолько, чтобы выделить или объяснить читателю мир
героя произведения. Связь между культурными особенностями
и сюжетами рассказа очень тесна, и благодаря этому рассказ героя